
АНГЕЛА
АРНО
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ИЗМЕНА
Такой мне не нужен

Ангела Арно

Измена. Такой мне не нужен

https://litres.ru/74706219
SelfPub; 2026

Аннотация

— Дина, ты помнишь Юлию? — спросил муж.

— Да, ты нас знакомил.

— Я не знаю, как так получилось Но В общем, Юлия беременна.

— Поздравляю

— От меня, Дина.

Вот так в один вечер разрушилась жизнь... Муж пришёл с работы с молодой особой, которая оказалась его беременной любовницей. Полгода он врал, прятался и изменял, а потом подленько убил. Десять лет брака перечёркнуты его похотью. А мне остаётся только гордо уехать из города в село и начать всё заново. Но, кто же думал, что именно измена бывшего мужа сделает мою жизнь ещё лучше!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	52
Глава 8	61
Глава 9	66
Глава 10	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ангела Арно
Измена. Такой мне не нужен

Глава 1

Конец августа выдался очень сухим и душным. Город ещё жарился и задыхался, а в школе уже вовсю шла подготовка к новому учебному году. В коридорах стоял тот особенный аромат смеси краски, лака, мела, пыли и влажной уборки. Все готовились основательно, от директора до простой технички. Дина любила это время и свою работу и ненавидела одновременно. Ведь всё напоминало о начале тяжёлых и загруженных днях, новых тетрадях, гула детских голосов и новых задачах от министерства образования. А ещё закончился долгий отпуск и спокойные дни, жизнь снова превращается в сплошное расписание.

День выдался слишком долгим и слишком сложным. Сначала — планёрка, где отдохнувшие учителя ни в какую не хотели снова возвращаться в реальность; споры о классном руководстве и долгая поучительная речь директора. А после проверки классов на готовность принять своих учеников. И вишенкой стало первое родительское собрание сразу с роди-

телями всех пятых классов. Выступил директор, она сама и только потом по очереди учителя, представляясь и оставляя свои контакты.

Когда родители стали задавать свои тревожные и волнующие вопросы, директор тут же сбежал, оставив Дину и учителей на растерзание. Не удивившись такому поведению своего начальника, ведь так было и в прошлом году, Дина отвечала ровно, мягко и привычно, будто на автомате. Когда к ней, как к заучу, вопросы закончились, она попрощалась и ушла, молясь, чтобы сегодня её уже никто больше не трогал.

Спрятавшись в своём кабинете, Дина уткнулась в ладони, мысленно перебирая не забыла она ещё что-то на сегодня. За окном дворник подметал асфальт, шаркающий звук метлы отвлекал и успокаивал одновременно. Поняв, что сегодня она успела всё, Дина стала складывать в стопку новые материалы. В принципе можно идти домой, вот только на душе было слегка тревожно. Что-то вроде того, когда в принципе всё хорошо, но в груди поднывает, и ты не можешь это понять. Телефон громко завибрировал на столе, и Дина вздрогнула.

Разблокировав мобильный, Дина тут же открыла сообщение от мужа:

«Дин, я немного задержусь. Ты как?»

Дина тут же набрала ответ улыбаясь:

«Нормально и непривычно. Чуть отвыкла от нагрузки»

«Ясно. Это… Нам нужно будет серьёзно поговорить»

«Что-то случилось?».

Но Лёша не ответил, а зелёный огонёк над его именем погас. Она перечитала сообщение несколько раз, хмурясь. Вроде обычные слова, ничего такого в них нет, но в груди сильнее сжалось предчувствие. «Серьёзно поговорить» простая фраза, после которой в голову лезут миллиарды мыслей и большая их часть не самые приятные. Тряхнув головой, Дина отложила телефон. Как же ей хотелось сейчас же немедленно узнать всё. Схватив снова телефон, она уже почти набрала мужа, но входящий звонок прервал её.

Аватарка подруги улыбалась с экрана. Приняв вызов, Дина зажала телефон между плечом и ухом.

— Дин, привет. Ты ещё в школе? — Голос подруги был слишком натянутым. Так говорят, когда готовят к плохому.
— Уверена, что да. Можешь зайти ко мне на кофе? Есть разговор.

Дина покачала головой, собирая свою сумку. Сил не было куда-то ещё идти, она хотела домой.

— Свет, я не могу и не хочу. Устала жуть. Родители учеников всю кровь выпили.

— Понимаю, но мне, правда, надо тебе кое-что сказать… Дин?

В трубке что-то щёлкнуло, видимо, Света переложила телефон к другому уху. Её единственная подруга ещё с институтских времён и по совместительству коллега, учитель географии в их школе.

— Говори так, Пермакова.

— Блин… Ладно. — Голос у Светы понизился. — Дорогая, ты только не расстраивайся сразу, может, я не так всё поняла…

— Да говори уже.

— Я видела твоего Алёшеньку в городе. Не одного.

Света никогда не скрывала, что муж Дины ей не нравится, но старалась держать своё мнение при себе, чтобы не портить дружбу. Но если на Пермакову накатывало, то мужа Дины она категорично называла «Алёшенькой» с примесью брезгливости. Вот и сейчас эта брезгливость прорезалась в её голосе. Дина глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Хорошо. С кем?

— О, а я уже настроилась, что ты мне сразу скажешь закрыть рот и не продолжать. Дин, он был с женщиной, молодой такой. Но я не разглядела лица…

— Света. — Дина сама удивилась, насколько твёрдо прозвучал её голос. — Хорош. Он часто выбирается в город по работе. Может, это была коллега?

— Ага, конечно. Ты бы поговорила с ним.

— О чём? Что ты увидела его с какой-то молодой женщиной в общественном месте?

— Да, сейчас это звучит не очень, — хмыкнула подруга. — Но держи ушки по ветру.

— Спасибо за совет, дорогая. Кстати, он мне написал, что хочет серьёзно поговорить.

— Ой, хоть бы я была не права, — пискнула Света. — Надеюсь, ничего серьёзно. Ладно, Дин, держись и звони в любое время. Я с тобой!

— Спасибо, Светуль. Взаимно.

Дина сбросила звонок и ещё несколько секунд стояла неподвижно. Потом подхватила сумку, выключила свет и вышла в коридор. Шаги гулко отдавались в пустой школе. Где-то в конце коридора уборщица пела что-то протяжное, и от этого пения становилось не по себе.

По дороге домой Дина зашла в продуктовый магазин. Яркий свет, чужие лица, тележки, музыка из динамиков — всё такое привычное и должно было успокаивать, но нет. Дина сложила в корзину курицу, розмарин, чеснок, молодой картофель, сливки для соуса. А потом подумала и добавила бутылку красного вина. Она приготовит красивый ужин. Если Лёша хочет серьёзного разговора, она встретит его в тёплой кухне, где пахнет домом.

Выкладывая продукты на ленту кассы, Дина кивнула кассирше, а та с улыбкой спросила:

— Праздничный ужин будет?

— Да… Надеюсь, — ответила Дина.

Квартира встретила её тишиной и застоявшимся воздухом. Разувшись, Дина прошла к окнам и открыла их настежь. Августовский вечер входил внутрь медленно, вместе с шумом машин и далёким лаем собаки. Переодевшись в домашние шорты и футболку, Дина подвязала свои длинные

светлые волосы в простой хвост и пошла на кухню, попутно включая телевизор — просто чтобы не было слышно собственных мыслей. На экране шёл очередной мыльный сериал для домохозяек. Слушая фоном, Дина готовила курицу, иногда кидая край глаза на телевизор, где были яркие платья, чужие слёзы и преувеличенные страсти.

Курица отправилась в духовку. Кухня постепенно наполнилась тёплым запахом трав и жареного мяса, а Дина стала нарезать картофель, помешивая соус и накрывая на стол. Две тарелки и два бокала, два столовых набора. Она делала всё машинально и чувствовала, как внутри неё растёт холодный ком. Она снова вспомнила разговор с подругой и сообщение мужа. Не бывает столько совпадений, ей не хотелось верить в худшее, но сердце внутри сжималось.

На экране телевизора как раз началась сцена, от которой Дина невольно усмехнулась. В дверях квартиры главной героини стояла любовница — холёная, решительная, с гордо поднятым подбородком и выпирающим животом.

«— Я беременна от вашего мужа, — сказала артистка»

Главная героиня смотрела на неё удивлённо, а потом громко рассмеялась.

«— Этого не может быть, милочка. Мой муж бесплоден».

Дина вымыла руки и покачала головой. В сериалах, как и в книгах всё было просто. Любовницы приходили, жёны разоблачали их, мужья оказывались или подлецами, или жертвами. В реальности так не бывает. В жизни всё запутаннее

и очень больно. А ещё жизни никто не произносит таких пафосных монологов.

Дина так увлеклась сценой, что стала смотреть дальше с большим интересом. Героиня выгоняла любовницу, гордо выпрямив спину, драматическая музыка нарастала. Дина ухмыльнулась и потянулась за пультом, чтобы сделать звук громче. И в этот момент в прихожей хлопнула дверь.

Сердце гулко ударилось в рёбра, а Дина замерла с пультом в руке. Голос Лёши был ровный и слишком осторожный. Он кому-то говорил проходить и не бояться. Нахмурившись, Дина вышла в коридор и замерла.

Алексей стоял у порога, а рядом с ним переминалась с ноги на ногу молодая женщина в серой блузке и узкой, офисной юбке. Приглядевшись, Дина узнала её сразу. Юлия, сотрудница из отдела мужа, с которой он однажды познакомил их на корпоративном вечере. Тогда Юлия почти ничего не говорила, только улыбалась и держала бокал двумя руками, как будто боялась его разбить. Поймав взгляд Дины, Юлия коротко улыбнулась и кивнула ей.

— Дина, — сказал Лёша, подходя к ней. — Пожалуйста, выслушай нас спокойно.

Дина зацепилась за короткое слово «нас» и с трудом сглотнула. Он сказал «нас». Что происходит? Но вместо того, чтобы спросить почему «нас», Дина только кивнула. В груди сильнее сжалось, да так, что стало сложно дышать, будто лёгкие сжались в ожидании удара. Она отступила на шаг и про-

пустила их кухню, в которой умопомрачительно пахло розмарином и запечённой курицей.

— Вы голодны? — спросила Дина. Голос был даже для неё чужим. — Курица почти готова.

Алексей поморщился, словно от боли, и отрицательно покачал головой.

— Дина, не надо. Сядь, пожалуйста.

Он провёл Юлию к столу, и она села на краешек стула, не поднимая глаз. Дина осталась стоять возле рабочего кухонного стола, наблюдая за происходящим. В кухне было слишком тесно от троих людей. И слишком тяжело.

— Дина, ты помнишь Юлию? — спросил Алексей.

— Да, ты нас знакомил. — Дина смотрела на Юлию. — Что-то случилось?

Юлия замялась, а потом естественным жестом положила руку на свой плоский живот. Она бросила быстрый взгляд на Алексея, как будто искала в нём защиты. Дина заметила всё это и почувствовала, как под рёбрами больно бьётся сердце. Болючая догадка ударила молотом по голове, и ей пришлось опереться о стол спиной.

— Случилось, — сказал Алексей. — Присядь, пожалуйста.

Дина не двинулась, только отрицательно покачала головой. Она слышала, как героиня сериала ругает мужа, как тот падает на колени и просит прощения, а фоном играла грустная мелодия, будто специально под сцену, что сейчас разво-

рачивается в её жизни.

— Я не знаю, как так получилось… — начал Алексей. Он посмотрел в сторону, потом на стол и на свои руки. — Уже и не надеялся. Но… В общем, Юлия беременна. Чёртов телек!

Лёша встал, взял пульт и выключил телевизор, а потом вернулся на своё место. В кухне стало слишком тихо, да так, что стало слышно, как капает вода из крана. Дина медленно перевела взгляд с мужа на молодую женщину, на её руку на животе. В голове всё ещё звучала фраза из сериала: «Такого не может быть, ведь её муж бесплоден».

— Поздравляю… — сказала Дина, и её голос ей самой показался могильным.

Алексей поднял на неё удивлённые глаза. Такого он не ожидал, ведь готовился к крикам. И видимо подумал, что она его не поняла, добавил убивая:

— От меня, Дина.

Глава 2

Дина смотрела на тёмный экран телевизора, но видела совсем другое. Перед глазами была Юлия и её рука на плоском животе, этот жест, который Дина уже видела тысячи раз в кино и в жизни… но не с ней. В кухне висела давящая, густая тишина, что, казалось, вытяни руку и можно пощупать. Было слышно всё: как тикают часы на стене, как потрескивает курица в духовке и как тяжело, с присвистом, дышит Лёша. А у неё сердце бьётся в ушах оглушая.

Дина оперлась ладонями на рабочий стол. Ноги ослабели так внезапно, будто из-под них резко выдернули пол. Столешница была прохладной, гладкой — они выбирали её вместе, в том самом магазине на окраине города, где муж шутил, что они берут «камень для семейного очага». Она вцепилась в эту прохладу, как в единственную опору. В голове долбили его слова — «от меня, Дина», причиняя дикую, почти физическую боль. Десять лет брака, год отношений до этого и вот она чистая измена с последствиями.

Еле сглотнув вязкую слюну, Дина пожалела обо всём: о долгих годах надежды, анализов, графиков, таблеток, уколов, слёз в подушку и осторожных разговоров вполголоса, чтобы никто не слышал. Почти десять лет, когда она просыпалась с мыслью, что сегодня, может быть, получится, и засыпала с мыслью, что не получилось. Эти долбанные десять

лет, когда она улыбалась на чужих крестинах и днях рождения, а внутри всё сжималось в тугой комок боли, который она никому не показывала. Даже Лёше.

А потом в памяти всплыл вечер. Она помнила его отлично — дождливый и серый, с запахом мокрого асфальта и остывшего чая. Они вернулись из клиники, и Лёша сел напротив неё на кухне.

— Дин, хватит.

Она не поняла сначала, а он взял её за руку, нежно поглаживая большим пальцем.

— Что хватит?

— Всего, любимая. Врачей. Надежд. Наших страданий. — Он смотрел на неё усталыми, честными глазами. — Я больше не могу видеть, как ты мучаешься. Давай просто жить дальше. Мы же любим друг друга, и у нас всё будет хорошо. Всё рано или поздно получится.

Она тогда много плакала. Долго, беззвучно, уткнувшись в его плечо, и верила каждому его слову. Верила, что Лёша сдался ради неё, чтобы избавить её от страданий и болючей надежды. Верила, что их любовь сильнее биологии и, что вдвоём — это тоже семья.

А теперь на её кухне сидела чужая женщина с его ребёнком под сердцем. Это теперь, получается, у них семья? А она тогда кто… или что?

Дина медленно выпрямилась. Внутри было пусто и кладбищенски холодно. Она повернулась к ним и обвела участ-

ников гибели своей прежней жизни острым взглядом. Алексей смотрел на неё — настороженно, как смотрят на незнакомого человека, от которого не знаешь чего ждать. Юлия же продолжала сидеть мышкой и не поднимала глаз.

— Сколько ты мне изменяешь? — спросила она, внутренне морщась.

Голос не дрогнул и слава богу. Она сама себе удивилась — откуда взялась эта ровность, эта холодная, почти хирургическая сталь. Воробьёв вздрогнул и нахмурил брови. Он точно ждал криков, слёз, истерики с битьём посуды. Он готовился к урагану, а получил штиль. И этот штиль напугал его ещё больше.

— Дин, прости. — Он сделал шаг к ней, но она отступила. — Но это уже не важно.

— Важно. — Дина смотрела прямо ему в глаза. — Просто ответь. Сколько?

Алексей опустил глаза, хмыкнул и запустил руку в свои светлые волосы, лохмача их. Он вернулся на своё место и нашёл руку Юлии, крепко сжимая. Этот жест ударил Дину сильнее любых слов, ей показалось, что она даже покачнулась. Он искал опору, но не в ней, не в жене, а другой женщине.

— Полгода, — сказал он тихо. — У нас всё серьёзно.

Полгода или шесть месяцев. Сто восемьдесят дней! Она прожила эти чёртовы дни, ничего не замечая и не подозревая. Готовила ему ужины, стирала рубашки, смеялась над его

шутками, целовала на ночь и отдавала всю себя. А он в это время... Дана почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Не от измены, а от собственной слепоты и глухоты. Какая же она дура!

— Вот как, — сказала она тихо. А потом добавила громче: — А признаться? Честно всё сказать, тебе духу не хватило?

— Дина, давай без истерик? — Алексей повернул к ней голову. В его голосе появились раздражённые нотки — те самые, которыми он обычно отмахивался от мелочей. А теперь, получается, она ему мелочь? — Мы взрослые люди и можем говорить спокойно!

— Какие двойные стандарты!

Дина сквозь нарастающий шум в ушах услышала свой смех — короткий, с толикой горечи и до ужаса чужой. Смех вырвался из неё, как яд из кобры.

— Изменять полгода — это по-взрослому. Привести любовницу в дом — это по-взрослому. А прийти и честно поговорить, значит, истерика. Прятаться, скрывать, врать – тоже истерика!

Дину понесло. Она понимала, что от острой боли готова уже кричать на весь мир, но чем это поможет? Только убедит этого предателя и его подстилку, что она и правда истеричка. Остановившись, Дина закрыла глаза и досчитала до пяти, только потом продолжила:

— Хорошо, Воробьёв. Раз все здесь взрослые люди — тогда сам подавай на развод. И сам решай вопросы о разделе

имущества. Хочешь быть быстрее со своей… Тогда действуй САМ!

Слова падали, как булыжники. Она кидала ими в него и чувствовала мизерное облегчение, зная, что потом снова и опять будет плохо. И держалась изо всех сил, не позволяя боли поглотить сознание, не пролить при этих нелюдях ни одной слезинки.

Глубоко дыша, Дина обвела кухню взглядом. Здесь каждая вещь была выбрана с любовью: плитка на фартуке — они спорили о ней три дня, и Алексей уступил, потому что она влюбилась в этот тёплый терракотовый цвет; светильник над столом — бронзовый, с матовыми плафонами, — она нашла его на блошином рынке и притащила домой, сияя от восторга; небольшой стол, но зато дубовый, тяжёлый, они вместе тащили его на четвёртый этаж без лифта, хохоча и ругаясь. Здесь всё было пропитано их общей историей. Их общей жизнью.

А детская. Дина закрыла глаза, хватаясь руками за столешницу. Та небольшая комната, рядом со спальней. Светло-жёлтые обои с крошечными зайцами, белый комод с разноцветными ящиками, колыбелька, которую они купили заранее — «на счастье». Муж тогда сказал: «Пусть стоит. Пусть ждёт». И она верила, что однажды эта комната наполнится смехом, плачем, топотом маленьких ног их малыша. А теперь... Её мечта умерла в ту самую минуту, когда Юлия положила руку на живот.

Дина горько вздохнула. В груди что-то резко оборвалось, как канат, державший её жизнь на высокой, вертикальной скале. Она открыла глаза и спокойно посмотрела на Воробьёва и его молодую любовницу, на их сцепленные руки.

— Знаешь, что самое страшное? — сказала она тихо. — Не измена. Не ребёнок. Самое страшное — что ты позволил мне поверить в нашу семью. В то, что вдвоём — это тоже семья. Ты уговорил меня отказаться от мечты, а сам не отказался и предавал меня. Ты просто нашёл другую женщину, чтобы получить то, что я не могла тебе дать. Ты ничтожество, Воробьёв.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Дина подняла руку не позволяя.

— Заткнись. Я больше не хочу ничего слышать. — Она выпрямилась. Спина закаменела, но она продолжала держать её прямо. — Проваливайте оба. Сейчас. Завтра я соберу твои вещи, а ключи оставь на тумбочке.

Дина повернулась к плите и выключила духовку, больше их видеть она не могла. Курица была готова — золотистая и ароматная, с хрустящей корочкой. Она достала противень и поставила его на стол.

— Дина... — позвал ещё пока муж.

— Уходи.

Она не кричала. Просто сказала — тихо, устало и окончательно. Сил не было ни на что, особенно их видеть.

Алексей поднялся и помог своей любовнице. Они молча

вышли из кухни. Дина слышала, как в прихожей зашуршала одежда и как звякнули ключи, брошенные на тумбочку. Дверь открылась и закрылась хлопком.

Дина осталась стоять статуей на любимой, но пустой кухне. Посмотрев на накрытый стол, она горько улыбнулась – вот оно её женское предчувствие и его «серьёзно поговорить». Какая же ты скотина, Воробьёв! Открылся, когда уже прижали к углу, ждал до последнего. Но где-то глубоко внутри она ему позавидовала. У Лёши сбылась мечта, а у неё не осталось ничего: ни счастливой жизни, ни мужа, ни ребёнка. Она одна.

Слёзы градом хлынули из глаз. Опустившись на пол, Дина обхватила колени руками и уткнулась в них. Так плохо ей давно не было, будто её разрезали на части тупым тесаком. Болела душа, тело и всё, что можно было. Она была сама сгустком боли и только через слёзы могла немного сделать себе легче. Спасибо тебе женский организм за такую полезную функцию, как слёзы.

Глава 3

Когда слёзы высохли, а в груди осталась тупая, ноющая пустота, Дина медленно поднялась с пола. Колени ныли, а спина затекла, но она не чувствовала этого. Тело двигалось самостоятельно, отдельно от мозга, который продолжал вести свою работу — анализировать и искать выход. Она пошла в ванную, чтобы умыться холодной водой. В зеркале отражалось бледное лицо с красными глазами и плотно сжатыми губами. Вот так выглядит сломленная женщина. Та, которую подло предали два раза! Стукнув рукой по раковине, она почувствовала лёгкую, но такую сейчас нужную боль. Ещё жива, а, значит, надо действовать!

Её телефон лежал на столе, рядом с остывшей курицей. Дина взяла его в руки, отмечая, как дрожали пальцы, но она нашла в контактах номер директора и нажала вызов. Гудки тянулись долго, и она уже почти решила сбросить, когда в трубке раздался хрипловатый голос:

— Дина Сергеевна? Что-то случилось?

— Простите за поздний звонок, Пётр Николаевич. — Она старалась говорить ровно и спокойно, будто обсуждала расписание уроков. — Мне нужны несколько дней отгулов. По семейным обстоятельствам, — сразу добавила.

Пётр Николаевич был добрым, но строгим человеком — из тех старых учителей, которые знали цену дисциплине и

не любили сюрпризов.

— Семейные обстоятельства, — повторил он медленно. — Перед началом учебного года?

— Да. — Дина не стала объяснять. Она не могла и не хотела, чтобы все знали её беду. — Это очень важно. Вопрос жизни и смерти.

Он помолчал ещё немного. Она слышала, как он тяжело дышит, решая для себя, а потом вздохнул:

— Хорошо, Дина Сергеевна. Несколько дней. Но не затягивайте, пожалуйста. Вы нам очень нужны.

— Спасибо, Пётр Николаевич. Я постараюсь... Ещё раз спасибо.

Она быстро сбросила звонок, пока он не передумал, и на секунду прикрыла глаза. Одна проблема решена. Осталось ещё приблизительно… сто.

Света ответила после первого гудка.

— Дин?!

— Света, ты была права… — Дина всхлипнула в трубку. — Ты можешь приехать? Мне так плохо…

— Ничего больше не говори. Уже еду.

Через полчаса, хотя Дине показалось, что прошла целая вечность, в дверь позвонили. Она открыла подруге, которая стояла на пороге вся растрёпанная, с коробкой торта в руках. Увидев Дину, Света побледнела и тут же протянула руки, притягивая к себе и крепко обнимая.

— Господи, Дин. Бедненькая моя…

Уткнувшись в шею подруги, Дина снова разрыдалась. Света стала молча гладить её по волосам, успокаивая односложными уменьшительно-ласкательными словами. Света провела их на кухню, кое-как поставила торт на стол и чуть отодвинула от себя подругу.

— Чукча моя.

— Откуда столько слёз, Свет? Я так много плакала только в детстве.

— От верблюда. Плачь, дорогая, это полезно. Он с ней пришёл?

Дина кивнула, поражаясь проницательности подруги. Света махнула рукой, мол, неважно и открыла торт, раскладывая куски по пустым тарелкам. Потом разлила вино, протягивая бокал Дине.

— Рассказывай всё в мельчайших подробностях.

И Дина рассказала. Она говорила долго, сначала сбивчиво, потом всё ровнее и быстрее, всё с самого начала. О том, как Алексей пришёл с Юлией, и та положила руку на живот — на плоский, ничего не выдающий живот. О его словах: «От меня, Дина» и как она чуть не умерла в тот момент. О том, как он держал любовницу за руку, беспокоясь о ней, а не о законной жене. О том, как сказал, что у них «всё серьёзно» и их семья уже как полгода не семья. О том, как она выгнала их и потом, как сидела на полу и рыдала в голос.

Света слушала молча, только рукой она то гладила руку подруги, то крепко сжимала. Когда Дина закончила, она по-

просила:

— Опиши её... Эту молодую сучку.

— Лет так на десять нас моложе, бледнющая. Волосы светлые, собраны в хвост. Одета в офисную одежду. Видимо, сразу после работы ехали сюда. Глаза… — Дина поморщилась. — А глаза как у побитой собаки — виноватые. Но при этом она пришла в мой дом, Свет! И села за мой стол…

Света медленно кивнула. А потом громко выматерилась, вызвав лёгкую улыбку у Даны.

— Это она. Я видела их в «Пассаже».... Алёшенька держал её за руку. Я тогда не разглядела лица, но теперь… Теперь всё сходится.

Свет замолчала, а потом отпила вина и сказала тихо:

— Дин, мне так жаль. Я не знала, как тебе сказать. Я боялась ошибиться и что ты мне не поверишь.

— Ты и не должна была. — Дина тоже отпила. Вино было терпким, тёплым, и оно немного согрело горло. — Это его вина и его выбор, который меня убил. Вот скажи, зачем так усложнять? Почему нельзя жить честно? Я же не изверг и всё могу понять. Только не такую подлость…

— Согласна. Только вот мужики думают совсем по-другому и другим местом.

Дина хмыкнула и стёрла очередную слезу. Они ели торт, пили вино и говорили, вот только легче не становилось. Всё ещё больно до спазмов в груди.

— Что будешь дальше делать? — спросила Света.

Дина поставила бокал и обвела глазами кухню — плитку, которую они выбирали вместе. Светильник с блошиного рынка, дубовый стол. Дверь в коридор, за которой была детская с жёлтыми обоями и белым комодом.

— Пока не знаю, — сказала она честно. — Тут жить точно не смогу.

Света кивнула в понимании.

— Очень плохо мне, — Дина подняла лицо вверх, сдерживая слёзы. — И душно в этом городе.

— Ты всегда об этом говорила, — тихо сказала Света. — Помнишь, ещё в институте? Ты говорила, что хочешь уехать куда-нибудь, где небо шире.

Дина горько усмехнулась, вспоминая свои слова. Да, она так говорила раньше и мечтала жить в деревне. Глупо, но факт.

— Тогда это была мечта. А теперь — необходимость.

Света вдруг выпрямилась. В её глазах загорелся тот самый огонёк, который Дина знала с юности — огонёк решимости. Хлопнув по столу ладонью, Света выдала:

— Слушай. У моей тётки, царствие ей небесное, в селе остался хороший домик. — Она говорила быстро, как будто боялась, что Дина недослушает. — Я тебе про него рассказывала. В Заречье. Дом крепкий, с дровяной печкой, с садом и огородом. Тётя Тамара там жила до самой смерти, а после неё никто не ездит. Дом пустует, но за ним присматривает соседка.

Дина кивнула, вспоминая, что Света делилась этим.

— А в самом селе есть школа. Небольшая, но хорошая, наверное... Сама знаешь, что сейчас везде не хватает хороших кадров. Вот и там не хватает учителей. — Света подалась вперёд, играя бровями. — Ты можешь туда поехать. Хоть на месяц, хоть на год пожить, подышать, разобраться и прийти в себя. Ну, как тебе идея?

Дина смотрела на неё в удивлении.

— Ты предлагаешь мне уволиться и уехать в сельскую местность?

Света не отвела взгляда, много раз кивая.

— Да! Почему нет? Что тебя тут держит? — Она пожала плечами. — А если не понравится, всегда можешь вернуться. У тебя есть мамина квартира. Небольшая, но своя, а это огромный плюс. А в нашей школе тебя примут обратно с распростёртыми объятиями. Ты же знаешь, Пётр Николаевич тебя обожает.

Дина повернула голову к окну, обдумывая такое нелепое и в то же время идеальное предложение. В голове проносились молниеносные мысли, как скоростные поезда. Уволиться и уехать. Оставить всё это — квартиру, стены, воспоминания, детскую с зайцами на обоях. Начать с нуля в селе, где нет ни Лёши, ни Юлии, ни их ребёнка. Где никто не знает её историю и где можно просто быть самой собой.

— А дом? — спросила она. — Он в порядке?

— Соседка говорит, что крыша целая, а печка работа-

ет как часы. Мебель осталась, но кое-что подремонтировать придётся. Дин, там жить можно спокойно. — Света улыбнулась. — И главное — там тихо, понимаешь? По-настоящему тихо.

Дина представила картинку: утро, туман над рекой, петухи и запах дыма из печки. Никаких гудков, никакой суеты и никаких чужих глаз. Только она и небо — широкое, как в детстве.

— Я подумаю, — сказала Дина. — Завтра обязательно скажу.

— Конечно, — кивнула Света. — Но не тяни. Иногда нужно просто прыгнуть.

Света ушла довольно поздно. Она обняла Дину на пороге, зашептав на ухо:

— Ты справишься, — сказала она. — Ты всегда справлялась. Ты моя сильная подружечка.

— Кто-то уже пьян.

— Немножко. Если завтра не позвонишь, приеду с двумя бутылками вина.

Дина закрыла за подругой дверь и немного постояла в прихожей, слушая тишину. Потом прошла в гостиную, села на диван и посмотрела на телефон. Ни одного звонка и сообщения от Лёши. Он не написал и не спросил, как она. Не извинился. Просто ушёл и всё. И это было самое красноречивое молчание в её жизни. Ему было всё равно на неё.

Она взяла телефон и открыла браузер. Быстро набрала:

«Заречье, школа, вакансии». Нашла сайт с фотографиями — маленькое здание с коричневой крышей, большой двор, дети с букетами на линейке. И объявление: «Требуется учитель русского языка и литературы, музыки и химии. Возможно предоставление жилья».

Дина смотрела на эти фотографии долго и решалась. Это тот выход, куда она обязательно должна пойти. Выключив телефон и свет в гостиной, она легла на диван, не в силах войти в спальню, где стояла их общая кровать.

Глава 4

Дина проснулась оттого, что в окно бил солнечный свет, пробиваясь в сознание, возвращая в жуткую реальность. Она лежала на диване, укрытая лёгким пледом, и несколько секунд соображала, где находится. А потом зажмурилась, когда воспоминания стали падать глыбами, причиняя почти физическую боль. Глухо застонав, Дина несколько раз ударила кулачками по дивану, не позволяя себе снова плакать.

Резко поднявшись, чуть не упала обратно на диванную подушку. Голова гудела, а во рту было сухо, горько и противно от вчерашнего вина и слёз. За окном чирикали воробьи, где-то во дворе смеялись дети, и этот обычный утренний шум казался издевательством. Как будто мир не заметил, что ночью рухнула её жизнь. Именно так и было, жизнь текла и продолжалась, а её сломалась и надо бы её чинить.

Дина медленно встала и прошла на кухню, привычным движением включая чайник. Вчерашняя несчастная курица всё ещё лежала на столе — остывшая, с застывшим жиром и с той самой золотистой корочкой, которой она так гордилась вчера. Дина смотрела на неё и чувствовала дикое отвращение. Схватив противень, Дина открыла мусорное ведро и выбросила чёртову курицу, а следом и тарелки — те самые, для «красивого ужина». Они с грохотом упали в ведро, и этот звук принёс ей странное, почти болезненное удовле-

творение.

В душе она простояла необычно долго, позволяя воде смывать с тела отрицательную энергию, размягчая его и расслабляя. А смысл ей куда-то теперь спешить? Она одна, и не надо торопиться, чтобы Лёша скорее пошёл умываться, бежать и готовить ему завтрак, ждать его… Вытерев рукой зеркало, Дина посмотрела на своё отражение и чуть снова не заплакала: бледнющая, с тёмными кругами под опухшими глазами, со складками в зоне носогубки и потухшим взглядом. От такой женщины любой уйдёт к молодой. От таких мыслей захотелось саму себя ударить, но правда отражалась в зеркале, а муж сейчас с молодой беременной любовницей.

Кофе она пила стоя у открытого окна. Делала маленькие глотки и смотрела на двор, на людей, спешащих по своим делам, и думала о том, что ещё вчера была одной из них. Самой обычной женщиной с мужем, работой и планами на будущее, а ещё надеждой, что их семья всё же будет больше. А сегодня она пустая оболочка, из которой вытряхнули всё содержимое и оставили так.

Стиснув зубы, Дина тихо застонала и отставила недопитый кофе. Да, с ней случилось то, что показали в сериале, то, что прошли и пережили многие женщины. И никто не умер. Да, её прежняя жизнь сломалась, настоящее душило болью, как удушье. А будущее... Будущее своё она построит сама. В нём не будет предателей, надежды на чудо и никакой лжи! Она уедет и начнёт всё с нуля. И пусть у неё нет ничего — ни

мужа, ни ребёнка, ни даже уверенности в завтрашнем дне, — у неё есть она сама. А это уже немало.

Дина прошла в спальню и открыла шкаф. В ноздри ударил запах их общей жизни — его одеколон, её духи, стиральный порошок, всё это смешалось в один густой, тёплый аромат дома. Дома, которого больше нет и уже не будет. Остались одни руины, как горькая память. Дана достала чемоданы и начала складывать свои вещи.

Что-то она перевезёт в мамину маленькую, однокомнатную квартиру, которая пустует вот уже три года. Что-то самое нужное возьмёт с собой. Мысленно план был составлен, а руки двигались сами, привычно и быстро. Свитера, джинсы, любимое платье, книги. Вот книг было много, и она складывала их бережно. Всех их она не сможет взять с собой, поэтому три коробки поедут на квартиру.

Сборы отвлекали настолько, что иногда она почти забывала, почему это делает. Но потом память возвращалась — резко и без предупреждения. Вот она складывает полотенца и вдруг видит его лицо то, каким оно было вчера, когда он сказал: «От меня, Дина». Вот она упаковывает чашки и слышит его голос: «У нас всё серьёзно». Вот она достаёт с полки рамку с их общей фотографией — море, солнце и счастливые лица — и замирает, не в силах ни выбросить, ни оставить.

Тогда Дина останавливалась, зажмуривалась и считала до десяти. Прогоняла больные мысли и картинки, снова про-

должая сборы, ведь так было легче: не думать, не вспоминать, не чувствовать. Просто собирать свои вещи в неизвестное будущее, где точно должно быть лучше, чем сейчас.

К обеду Дина всё же выдохлась, но сама мысль о еде вызывала тошноту. Она хотела только пить воду или кофе, кусок в горло не лез. Решив немного отдохнуть, Дина обошла коробки в гостиной и села на диван, набирая Свету.

— Я согласна, — сказала она, вместо обычного «привет».

— Слава богу, — выдохнула Света. — Я всю ночь не спала, думала о тебе.

— Ой, не ври мне! Не спала она. Даже я спала от вина.

— Ладно, сдаюсь. Спала, но даже во сне думала о тебе! — хихикнула Света.

— Светуль, привези мне ключи. И дай телефон соседки. Я хочу уехать как можно скорее.

— Сегодня вечером буду. Дин, ты точно уверена?

— Точно, Свет. — Дина посмотрела на чемоданы, стоящие в коридоре, и добавила тише: — Я не могу здесь больше находиться. Каждая вещь кричит о том, что было так дорого.

— Ну и правильно. Вечером привезу и заодно обниму тебя.

— Договорились, до вечера.

Дина сбросила звонок, посидела немного и вернулась к сборам. Она так увлеклась, что не услышала, как открылась входная дверь и привычные шаги по коридору.

— Уже собираешь вещи?

Голос Лёши ударил в спину током, прошибая все конечности. Дина замерла с вазой в руке, а потом медленно обернулась. Он стоял в дверях всё в той же белой рубашке, в том же костюме, только теперь помятом. Но выглядел свежо и даже улыбался. Значит, хорошо отдохнул этой ночью. Этот факт зацепил Дину, и она скрипнула зубами, чувствуя, как ярость поднимается внутри.

— Как ты зашёл? — Спросила она, не скрывая брезгливости.

— Дверь была не закрыта. Да и пока это ещё мой дом.

Дина фыркнула на последнюю его фразу, отложила вазу и прошла мимо него на кухню — там ещё оставались вещи, которые нужно было сложить. Алексей пошёл следом, как хвостик. Сел за стол — на тот самый стул, где вчера сидела Юлия. Дина заметила это и почувствовала, как внутри что-то ядовитое дёрнулось.

— Дина, давай нормально поговорим?

Он смотрел на неё устало, почти жалобно. Хренов актёришка. Дина сложила короб и выставила посуду на стол.

— О чём? — начала она складывать в коробку посуду. Хорошо, что руки не дрожали. — Хочешь подробно рассказать, как изменял мне, когда я ждала тебя дома и верила тебе, что ты на работе? Что ты меня любишь и не предашь?

— Я правда тебя любил. Не врал...

— Значит, у тебя большое сердце. — Она положила в коробку чашку. Аккуратно без стука. — Раз ты можешь любить

многих женщин.

— Дин, давай без сарказма. — Алексей сцепил пальцы на столе. — Юлия ждёт моего ребёнка, и я не могу её бросить. Это мой ребёнок, понимаешь?

Дина остановилась и медленно повернулась к нему. Внутри всё закипало — горячее, обжигающее, поднимающееся к горлу. Это была ярость со львиной долей злости и обиды.

— Какое благородство! — сказала она тихо. — А меня, значит, обманывать и бросать ты можешь. Молодец!

— Прости, — он слабо улыбнулся, вот только искренности в этом слове не было, как и в его виде. — Но вот так получилось. Я всегда хотел детей, а у тебя не получалось...

Дина задохнулась от такого заявления. В ладонях жёстко зачесалось кинуть в него что-то тяжёлое. Урод!

— Воробьёв, заткнись.

Слова вылетели резко, как удар хлыста, прорезая воздух. Лёша вздрогнул и вскинул брови, ведь она впервые назвала его по фамилии.

— Я всё поняла, можешь не продолжать. Совет вам да нелюбовь. Подавай на развод и расти своего ребёнка.

Она отвернулась, продолжая складывать вещи. Внутри всё дрожало, но снаружи она держалась из последних сил.

— А что будешь делать ты? — спросил он тихо. — Я могу тебе как-то помочь?

— Ты уже помог, — она бросила в коробку полотенце. — Больше не надо, спасибо! Я уезжаю.

Дина замерла, когда он резко встал и подошёл к ней, блокируя руками у рабочего кухонного стола. Лёша нагнулся к ней слишком близко, так как делал это раньше, когда у них всё было хорошо.

— Вот как... — сказал он. — Дин... — Его руки легли ей на плечи. Потом скользнули вниз и обхватили со спины обнимая. — Я правда сожалею обо всём, — прошептал он ей в затылок. — И ты мне дорога по-прежнему. Я много думал и хочу, чтобы ты осталась, не уезжай. Я отдам тебе эту квартиру. И буду дальше с тобой... иногда.

Слова входили в неё медленно, как яд. «Иногда». Лёша предлагал ей остаться — в этой квартире, с этими стенами, с этой детской, которую они готовили для ребёнка и которого не будет. Остаться в роли любовницы! Как женщина, к которой он будет приезжать «иногда». Между Юлей, ребёнком, пелёнками, колясками — и ею. Он хочет, чтобы она была второй, запасной, привычной и удобной для него.

Её чуть не стошнило. Такой гадости и мерзости она от Лёши не ожидала! Он вчера её почти убил, а сегодня решил вконец втоптать в грязь. Дина резко рванула всем телом, вырвавшись из его рук. Развернулась и со всей силы ударила по лицу.

Звонкая пощёчина прозвучала выстрелом в тишине кухни. Воробьёв отшатнулся и схватился за щёку. В его глазах мелькнуло сначала удивление, потом жгучая злость. Он отошёл от неё на пару шагов.

— Ты вообще больной? Придурок! — Дина задыхалась. Голос дико дрожал от ярости. — Ты хочешь, чтобы теперь я была твоей любовницей? За квартиру?! Да пошёл ты!

— Дура, — процедил он сквозь зубы. — Развод так развод. Останешься одна! Советую завести десяток кошек, чтобы не сдохнуть в одиночестве.

Он кинул в неё убийственный взгляд, развернулся и ушёл в спальню. Дина слышала, как открываются дверцы шкафа, как он швыряет вещи в сумку, на пол летит что-то тяжёлое. А потом наступает тишина, которая длится слишком долго. Она уже хотела пойти туда, но Алексей вышел из спальни с большой спортивной сумкой в руках. Он даже не застегнул молнию, видимо, не смог, слишком битком забитая она была.

Даже не посмотрев на неё, Воробьёв пошёл к выходу. В прихожей он задержался, осматриваясь, проходясь взглядом по мебели сквозь неё. Покачав головой, он молча вышел, громко хлопнув дверью. Вот и всё. Так захлопнулась её семейная жизнь длиною в жизнь.

Вернувшись на кухню, Дина сразу подошла к окну, наблюдая, как уже бывший муж вышел из подъезда, быстро и не оглядываясь дошёл до машины, закинул в багажник сумку и сел в машину. Машина мгновенно стартанула с места, будто сбегала из ада. Всё. Теперь уже точно.

Дина смотрела вслед, пока машина не скрылась за поворотом. Потом закрыла окно и только в эту секунду почувство-

вала, что может дышать полной грудью. Глубоко, как будто с плеч свалилась целая гора. Слабо улыбнувшись, Дина вернулась к коробкам и своим сборам.

Глава 5

Пётр Николаевич рвал заявление три раза, раскидывая вокруг себя обрывки, создавая ещё больший беспорядок в своём кабинете. В первый раз — когда Дина уверенно положила заявление на его стол в кабинете, попутно обосновывая своё увольнение, не вдаваясь в подробности. Пётр Николаевич взглянул на лист, потом на неё и потом снова на лист. Схватил бумагу и не читая, разорвал пополам.

— Очень смешно, Дина Сергеевна, — сказал он, откидываясь в кресле. — Конец августа, начало учебного года и ты с бухты-барахты решила уйти?!

— Пётр Николаевич, я всё вам объяснила. Семейные обстоятельства.

— Обстоятельства! — Он хмыкнул и махнул рукой. — У всех обстоятельства. У меня вот давление и что? Я же не бросаю школу и не еду в санаторий, в который уже лет пятнадцать мечтаю попасть.

Дина слабо улыбнулась, но промолчала, продолжая стоять перед его столом, всем видом показывая, насколько она сейчас спокойная и собранная. Выпрямив ещё больше спину, она знала и ждала, что он будет её отговаривать. Второй раз он порвал заявление, когда она сказала, что после увольнения уезжает из города.

— Куда? В село?! — Пётр Николаевич даже привстал. —

Дина, ты в своём уме? Ты педагог от бога, тебя дети обожают. Нас, значит, бросаешь и в село?

— Там тоже дети, Пётр Николаевич. И там тоже не хватает учителей.

— Не хватает! — Он резко швырнул обрывки на пол. — У нас не хватает! У них не хватает. Да везде не хватает, но ты-то при чём?

Дина снова положила на стол новый лист. Она хорошо знала Петра Николаевича, поэтому заранее распечатала несколько экземпляров.

— Подпишите, пожалуйста.

— Нет, Дина. Не могу, не проси.

И снова порвал, но в этот раз кинул бумагу в урну, отвернувшись к окну, недовольно пыхтя. Дина тяжело вздохнула, положила четвёртый лист и сказала только одно.

— Пётр Николаевич, мне так плохо, что останься я здесь, точно умру.

Директор повернулся и стал смотреть на неё долго, изучающе. В его глазах — усталых и мудрых — мелькнуло что-то похожее на понимание. Он был старым учителем и видел многое. И точно понял, что за «семейными обстоятельствами» стоит что-то такое, о чём не говорят вслух.

— Муж? — спросил он тихо.

Дина слабо кивнула, прикусив щёку изнутри. Пётр Николаевич тяжело вздохнул и по-стариковски покачал головой. Взяв заявление, он помедлил секунду, а потом размашисто

подписал.

— Дина, как бы там ни было, мы всегда будем тебе рады. Возвращайся в любое время.

— Спасибо, Пётр Николаевич, — сказала Дина чуть дрогнувшим голосом.

Дина вышла из кабинета, медленно шагая по пустому коридору, прощаясь с прежней школьной жизнью. Это была не просто её работа, здесь была вся жизнь с её улыбками, строгими взглядами, правилами и детским смехом. Собрав вещи, она закрыла свой кабинет, оставила ключ охраннику и вышла на улицу, в августовскую жару. Вот и всё, можно уезжать.

***

В этот же день Дина наняла небольшой грузовичок с брезентовым верхом. Водитель — молчаливый мужчина средних лет — помог загрузить коробки и чемоданы. Дина села в кабину и посмотрела в окно на дом, который покидала навсегда. Часть вещей она завезла в мамину квартиру, а мужчина также молча помог ей занести, а потом дорога повела в то самое село, где Дину ждала тишина и всё совсем новое.

Заречье встретило её тишиной, ярким солнечным, безгранично-голубым небом. Домик стоял в конце улицы. Именно такой, какой она его представляла: небольшой, с зелёной крышей и с резными наличниками на окнах. Дина подошла к ржавой калитке, открыла её и осторожно вошла. Двор встретил её запустением — трава по пояс, разросшиеся вишни и

яблони, ветки которых нависали над дорожкой, ведущей к дому. Но в этом запустении всё равно было что-то живое, именно то, что точно ждало её.

Кухня оказалась маленькой — стол, плита, старенький холодильник, несколько шкафчиков и окно с видом на сад. Дина прошла дальше, осматриваясь: две комнаты — одна побольше, с диваном, шкафом и даже телевизором, другая совсем крошечная, с кроватью, тумбочкой и уголком с завешанными иконами. Но удивило другое – в доме была ванная, правда малюсенькая, но с санузлом, что уже было уже роскошью. Дина обошла всё, потрогала стены, заглянула в печку. Улыбнувшись, она точно решила, что научится её топить, когда похолодает. Водитель начал выгружать её вещи, и Дина поспешила ему помочь. Горячо поблагодарив, Дина переоделась в домашнее и стала наводить порядок и разбирать своё привезённое.

Когда с вещами было покончено, уже начало темнеть. Она вышла во двор и села на крылечко. Прикрыв глаза, Дина прислушалась к тишине, пению птиц и лёгкому шуршанию листьев. Как же тут хорошо! Даже воздух был сладкий. Подышав полной грудью, Дина решила, пока совсем не стемнело, обойти свои временные владения. Зайдя за дом, она заметила забор, точнее, то, что от него осталось. Соседский забор был аккуратно разобран, а доски сложены на земле. А через её огород, прямо по грядкам и по заросшей траве была проложена дорога с большими колеями, ведущая к соседскому

дому.

Дина нахмурилась, ведь это было очень странно. Света бы её предупредила, если бы тут велась какая-то стройка, да только, видимо, подруга сама не в курсе. Подумав, что обязательно с этим разберётся, Дина вернулась в дом и сделала себе лёгкий ужин из тех продуктов, что привезла с собой.

Два дня пролетели незаметно. Она мыла, чистила и стирала руками! Выбросила старые вещи с разрешения Светы, заменив их на свои. Повесила новые занавески и закупила в магазинчике неподалёку продукты — немного, только необходимое. И всё это время Дина чувствовала, как внутри что-то оживает, а мысли больше не крутятся юлой вокруг Воробьёва и его молодой любовницы.

А наутро третьего дня проживания в селе к Дине пожаловала гостья – бабушка Зина. Она бы и раньше пришла, да вот хотела дать возможность девочке хорошенько обосноваться. Дина как раз вышла во двор, чтобы полить разросшиеся кусты смородины, которые она обнаружила у забора.

— Утро доброе, хозяюшка!

Дина обернулась и ответила светлой улыбкой. У калитки стояла маленькая, кругленькая старушка в пёстром платке и таком же платье. Лицо бабушки было в глубоких морщинках, но глаза живые, как у молодой девушки.

— Здравствуйте, — ответила Дина и поспешила к калитке.

— Баба Зина, — представилась старушка, проходя во

двор. — Соседка твоя через дорогу.

Баба Зина огляделась, покачала головой:

— Зарос двор без хозяйки, царствие ей небесное. Хорошая была Томка... — Она махнула рукой. — Ну как ты тут? Освоилась? Печку видела? — начала она сыпать вопросами. — Ко мне летом внук приезжал, дрова наколол. Они в сарае, аккуратно сложены.

— Спасибо вашему внуку, — сказала Дина. — А вообще, мне здесь очень нравится. Тихо и воздух волшебный. Меня Диной зовут.

— Это точно, — согласилась баба Зина. — Хорошая ты, Диночка… Ты, главное, не стесняйся и заходи ко мне. Чай попьём, я тебя покормлю.

Дина с удовольствием согласилась, заодно хотела наладить контакт с соседкой. Баба Зина повела её к себе, приговаривая, какие вкусные пирожки она только что испекла. На кухоньке бабы Зины было тепло и уютно, как у бабушки. Разлив крепкий, с травами чай, хозяйка поставила перед Диной пирожки с картошкой и грибами. Дина ела и с удовольствием слушала, как баба Зина рассказывала про село — кто живёт, где школа, какие порядки. А потом спрашивала у Дины — осторожно, но без навязчивости. И Дина отвечала, не всё, конечно, но в общих чертах про работу и про то, что она учитель и хочет попробовать здесь работать.

— Учитель? — Баба Зина всплеснула руками. — Так это ж замечательно! Нашей школе очень нужны такие умницы и

красавицы, как ты, Диночка. Директор — мужик хороший, но молодых-то не заманишь. Уже последние волосы на своей голове рвёт. То-то он обрадуется.

Она так расцвела, будто Дина была её родной внучкой, приехавшей наконец домой. Прощаясь с Диной, баба Зина сунула ей в руки пакет с яйцами, пирожками, овощами и банку клубничного варенья.

— Это мне? — Дина растерялась, открыв рот.

— А кому же? — Баба Зина улыбнулась. — Ты молодая, городская, худющая… А у меня всего навалом, куры несутся, огород родит. Бери, не стесняйся, Диночка. И кушай хорошо.

— Спасибо, — сказала Дина. И вдруг, сама не ожидая, добавила: — Можно я к вам ещё буду приходить?

— Да что ты! Конечно, милая. — Баба Зина погладила её по руке. — Приходи в любое время. Я всегда рада, ведь одной скучно.

Дина шла обратно через дорогу, к своему дому, аккуратно держа в руках пакет с гостинцами. На душе было тепло, так, словно она только что вернулась от родного человека. Как будто от родной бабушки, которую так и не знала.

Остановившись у своей калитки, она увидела машину. Огромный чёрный внедорожник стоял у соседского дома, того самого, чей забор был разобран, и чей огород граничил с её огородом. Машина была дорогая, представительского класса, такие не покупают в селе, на таких разъезжают в го-

роде, показывая свой статус и солидность. Решив рассмотреть соседский дом, она сделала пару шагов к нему. Ворота были кованые, высокие, тяжёлые и массивными, а за ними большой, крепкий, двухэтажный дом. М-да, по сравнению с её домиком, этот был богатым монстром. Тут явно жили непростые люди. И с ними ей нужно срочно поговорить о вредительстве, что они устроили на её огороде.

Вот только за эти несколько дней она никого пока не видела, только сегодня появилась машина. Что ж, Дина умеет ждать. Рано или поздно хозяева богатого дома дадут о себе знать.

Глава 6

До начала учебного года оставалось чуть меньше недели.

Дина проснулась рано, как только солнышко стало подниматься над крышами, заливая дворы мягким, золотистым светом. Умывшись холодной водой, она задержалась у окна, рассматривая сад. Вишни давно отцвели и отплодоносили, но яблони ещё держали на ветках мелкие, зелёные яблочки. На траве блестела роса, а где-то за забором мычала чья-то корова. И так было спокойно на душе, ровно, а, значит, всё точно получится.

Для важного дела Дина выбрала светлую блузу с коротким рукавом и тёмную юбку по колено, каблуки отставила, сунув ноги в обычные босоножки. Волосы собрала в хвост и, оставшись довольна своим простым видом, она вышла из дома. Дорога до школы была через всё село. Дина шла не спеша, вдыхая волшебный воздух — тёплый, с запахом скошенной травы. Август в Заречье был щедрым на солнце, которое грело, но не пекло, а небо было высокое, синее, с редкими белыми облаками, похожими на перья. Вдоль дороги росли старые липы, и их широкая тень ложилась на землю узорчатыми пятнами. На встречу попадались самые простые сельские жители, которые с удовольствием здоровались и с интересом рассматривали её. Дина легко улыбалась и здоровалась в ответ.

Школа находилась в центре села. Небольшое одноэтажное здание с коричневой крышей, белыми стенами и с большими окнами. Неподалёку стоял дом культуры, тоже невысокий, с афишами на стене, а чуть дальше — администрация села, маленькое здание с флагом. И огромный, зелёный парк, с аллеями и старыми дубами. Возле парка Дина заметила автобусную остановку с расписанием и несколько магазинов с вывесками, выцветшими на солнце.

Дина остановилась перед школой и перевела дыхание. Сердце билось чаще, чем хотелось бы. Вытерев внезапно вспотевшие ладони о юбку, она зашла территорию школы, сразу направляясь к входу. Пожилой охранник, что сидел у входа, встретил её приветливо.

— Доброе утро, — кивнул он на приветствие Дины, оглядев её. — А вы, простите, по какому вопросу?

— По поводу работы. Я учитель.

— О-о-о, — протянул он с уважением. — Тогда вам туда. Кабинет директора прямо по коридору, Василий Петрович Валиков, — подсказал инициалы директора.

Василий Петрович, мужчина лет пятидесяти, с усталыми глазами и доброй улыбкой, — принял её сразу. Кабинет был небольшим, но уютным: книги на полках, цветы на подоконнике, чайник на столе. Он слушал Дину внимательно не перебивая. Когда она закончила и тихо выдохнула, а он откинулся в кресле и сказал:

— Дина Сергеевна, вы даже не представляете, как вы во-

время. У нас с кадрами просто беда. Замечательно! Русский и литература – закроем вами. Вы не против взять классное руководство в пятом классе? И музыка... — он вздохнул. — Учителя музыки у нас вообще нет. Вы бы могли, но временно?

— Я могу, — сказала Дина. — Я играю на фортепиано. Правда, немного.

— Немного — это уже роскошь, — улыбнулся Василий Петрович. — Берём вас и оформляем сегодня же.

Пока Дина заполняла документы, директор рассказывал о школе и её жизни: о детях, коллегах, планах. Она старалась внимательно слушать и чувствовала, как что-то внутри неё медленно оттаивает.

— Пятый класс — хорошие ребята, — говорил Василий Петрович. — Шумные, конечно, но очень добрые, а их родители самые душевные. Вы с ними обязательно поладите.

— Надеюсь и верю в это, — сказала Дина.

Когда она вышла из школы, солнце стояло уже высоко. Обратная дорога казалась уже привычной, а сама Дина чувствовала себя своей в Заречье. Не торопясь к себе, она заглянула к бабе Зине, чтобы поделиться новостями. Калитка была открыта, а сама баба Зина сидела на крыльце и лущила горох. Увидев Дину, старушка всплеснула руками:

— Динушка! Ты чего такая сияющая? Случилось что?

— Случилось, — Дина улыбнулась. — Меня приняли в школу. Дали классное руководство в пятом классе. Теперь

я учитель русского языка и литературы. И временно урока музыки.

Баба Зина вскочила, как молоденькая козочка, и крепко, по-матерински обняла её. От старушки пахло хлебом и травами.

— Умница ты моя! — приговаривала она. — Я знала, что ты у нас приживёшься. У нас тут хорошо, люди добрые. А дети... — она отстранилась и посмотрела Дине в глаза. — Дети, они везде дети. Им хороший учитель нужен. А ты — хорошая.

Дина почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Она не привыкла к такому — к простой, ничем не заслуженной теплоте. К объятиям и словам, сказанным без подтекста и корысти.

— Пойдём, — баба Зина потянула её за руку. — Обедать будешь. Я борщ сварила, ватрушки только из печи достала.

Старушка усадила Дину за стол и стала наливать борщ в глубокие тарелки, выставлять ватрушки и домашний хлеб на стол. Забыв про сметану, баба Зина охнула и тут же достала из холодильника баночку, пододвигая ближе к Дине. И так всё было ладно и по-домашнему, будто и правда Дина к родной бабушке приехала.

— И всё равно ты очень грустная, — выдала старушка, уперев подбородок в ладонь, наблюдая, как ест девушка. — Что тебя грызёт, голубушка?

— Баба Зина. Ты ясновидящая? — попыталась отшутить-

ся Дина, но старушка сжала её руку.

— Расскажи, милая. — Баба Зина кивнула. — Всё расскажи. Не держи в себе.

И Дина рассказала. Она говорила долго и сначала сбивчиво, короткими фразами, а потом всё ровнее. Рассказала о том, как вышла замуж десять лет назад за любимого человека. Как они старались и ждали ребёнка, но так не дождались. О врачах, бесконечных анализах и таблетках. О том, как муж сказал: «Хватит, будем жить для себя» и они жили, а она всё надеялась и иногда горько плакала по ночам. А потом с болью в голосе рассказала, как муж привёл в дом любовницу — молодую и беременную, сказал, что: «От меня, Дина». А дальше со слезами в голосе о том, как она выгнала их и собирала вещи, а он припёрся на следующий день и предложил ей остаться как любовнице за квартиру.

Баба Зина слушала молча и не перебивала. Только качала головой и иногда вытирала глаза краем платка.

— Ох, Динушка, — сказала она, когда Дина закончила. — Ох, горе-то какое. Какие же мужики сволочи! Поплачь, ведь правду говорят, что слёзы лечат душу.

— Я уже не плачу, — сказала Дина. — Больше не могу и не хочу. Как будто выплакала всё.

— Это хорошо, — кивнула баба Зина. — Слёзы — они очищают, но не до конца. Ещё есть время, которое незаметно лечит. Ты главное не закрывайся в себе.

— Спасибо, постараюсь.

— Ты вот что, — баба Зина снова накрыла её руку своей — сухой, тёплой, в морщинах. — Ты не думай, что жизнь кончилась. Она не кончилась, а только началась. Поняла?

Дина подняла на неё глаза и горько усмехнулась.

— Мне тридцать два года, — резко сказала Дина. — Я в разводе, без детей и дома. Я приехала в чужое село, к чужим людям и совершенно не знаю, что будет завтра, — а потом запнулась и потупила глаза. — Правда, у меня есть любимая работа.

— Стоп. А кто знает? — Баба Зина пожала плечами. — Никто не знает. Но ты живая, здоровая и молодая, красивая. Всё наладится, милая. Пусть пока будет работа, а остальное придёт потом.

— Я не чувствую себя красивой, — призналась Дина. — Я чувствую себя... пустой.

— Пройдёт, — сказала баба Зина уверенно. — Всё пройдёт. И пустота твоя чёртова тоже пройдёт и обязательно заполнится чем-нибудь хорошим. Вот увидишь! А пока просто живи, работай и радуйся мелочам. Это не сложно, главное — хотеть. А ты хочешь, я это чувствую.

Дина слабо кивнула, ведь старушка была права. Она очень хотела верить в лучшее и жить счастливо. Баба Зина встала и налила Дине ещё чаю. Поставила перед ней банку варенья — вишнёвого, тёмного и густого.

— Ешь, — сказала она. — И слушай меня. Я старая. Я много чего видела. И знаешь, что скажу? Самое страшное —

это не предательство. Самое страшное — это когда человек перестаёт жить. И уже ничего, и никто не поможет. А мы живы и можем лепить нашу жить.

Дина смотрела на неё, на эту маленькую, круглую старушку с добрыми глазами и мозолистыми руками. И вдруг почувствовала, как по щекам потекли слёзы, а она ведь не собиралась плакать. Улыбнувшись, Дина стёрла мокрые дорожки.

— Спасибо, баб Зин, — сказала она. — За всё.

— Не за что, Динушка, — баба Зина махнула рукой. — Ты ко мне заходи. Часто заходи. Мне с тобой хорошо, очень хорошо, роднулечка.

Баба Зина обняла Дину, а она в ответ старушку. И в этот раз баба Зина не отпустила её с пустыми руками. Дина шла домой, когда солнце уже клонилось к закату. Небо окрасилось в розовый и золотой, тени стали длинными, а воздух — прохладным. Вдалеке у соседского дома, снова блеснул чёрный внедорожник. Дина заметила его краем глаза, но не стала останавливаться. Не сегодня. Сегодня она не хотела думать о соседях, о чужих машинах, сломанном заборе и бардаке на огороде.

Сегодня она думала о своём: школе, пятом классе и о детях, которых ещё не видела, но уже любила заочно. И, конечно, о словах бабы Зины: «Ты не закрывайся». Приняв ванну, Дина одела тёплую пижаму, достала из сумки рабочие материалы и села за стол, составляя программу на первую учебную неделю.

Глава 7

Дина проснулась задолго до будильника, слишком рано в прежней жизни и вполне нормально для новой — в половине шестого, когда солнце только начинало золотить край неба. За окном стоял лёгкий туман, и яблони в саду казались призрачными, будто нарисованными акварелью на мокрой бумаге. Она умылась, надела новое платье — тёмно-синее, строгое, с белым воротничком, — и долго стояла перед зеркалом, вглядываясь в своё отражение. Первое сентября праздник не только для детей и их родителей, но и для учителей.

Ты справишься, всё будет, как всегда, отлично!— дала себе установку, улыбнувшись отражению.

Дорога до школы заняла двадцать минут. По улицам села шли нарядные дети с букетами, рядом с родителями. А возле школы уже играла громкая, праздничная музыка. Двор был украшен шарами и гирляндами, на асфальте мелом нарисованы цветы и солнце.

Дина вошла в школьный двор и на секунду замерла, осматриваясь. Сердце сжалось от лёгкого волнения, радости и чего-то ещё, чему она не могла найти названия, а рук коснулся мелкий тремор. Детей было удивительно много, они бегали, смеялись, фотографировались с родителями. И среди всего этого праздника она снова, как и год назад, почувствовала себя частью особого, важного и настоящего.

— Дина Сергеевна! — услышала она голос Василий Петровича. Директор шёл к ней, улыбаясь во все свои тридцать два зуба. — С праздником! Ну, как вам?

— Волнительно, Василий Николаевич, — призналась она. — Как перед первым уроком.

— Вам бы волноваться с таким стажем и опытом! Но это всё равно хорошо, — кивнул он. — Волнение — признак того, что не всё равно. Идёмте, я вас представлю остальным коллегам и познакомлю с классом.

— Здравствуйте, дети! — громко поздоровалась Дина со своим классом. — Я ваша классная руководительница, Воробьёва Дина Сергеевна.

— Здравствуйте! — ответили они хором, кто-то с улыбкой, кто-то смущённо.

Линейка началась ровно в девять. Музыка стала громче, дети встали по классам. Дина стояла со своим пятым классом, котором всего было двенадцать человек, девять мальчишек и три девочки. Они смотрели на неё с любопытством, громко перешёптывались и толкались. Обычные такие живые дети.

Как только официальная линейка закончилась, дети ринулись дарить ей цветы. Первый букет Дине подарил Слава, мальчика с веснушками и вихрастым чубом. Он подошёл, краснея, и протянул ей гладиолусы. Потом второй — от Ани, девочки с двумя косичками. Потом третий, четвёртый, пятый... Дина принимала цветы, улыбалась и благодарила. Ру-

ки быстро отяжелели, букеты заполнили всё пространство.

— Дина Сергеевна, вы их не уроните? — пошутил кто-то из мальчишек.

— Не уроню, — засмеялась она. — Я сильная, но ты можешь помочь, — и передала часть букетов мальчикам.

Каждый по очереди заходил в школу, Дину окружили дети и вели её в их класс. Она вошла в кабинет — светлый, с большими окнами, с картами на стенах и портретами писателей. Дети расселись за парты и сразу притихли. Их любопытные глаза следили за каждым движением Дины и ждали, когда она начнёт.

— Ну что, — Дина встала у большой доски. — Давайте ещё раз знакомиться. Я Дина Сергеевна. Буду вести у вас русский язык, литературу и музыку. И ещё я ваш классный руководитель. Это значит, что все ваши радости, проблемы, плохие оценки и любые вопросы — это ко мне. Договорились?

— Договорились! — ответили они хором.

— А теперь давайте каждый расскажет о себе. Как вас зовут, чем увлекаетесь, что любите. Только по очереди, не перебивая друг друга.

И понеслось: Слава оказался футболистом и мечтает стать вратарём. Анюта очень любит рисовать, особенно лошадей. Миша — собирает модели самолётов, а Катя обожает читать всё подряд, даже то, что «не по возрасту». Ванечка, самый маленький по росту в классе, оказывается, играет на гитаре,

которую ему подарил дед. Двенадцать историй и двенадцать маленьких жизней. И Дина внимательно, не перебивая, запоминая, слушала каждую, кивая и искренне улыбаясь.

— Вы откуда приехали? Из города? — спросил вдруг Слава.

— Из города, всё верно, — кивнула Дина.

— А почему к сюда?

Вопрос повис в воздухе. Дина посмотрела на детские открытые, любопытные лица и по-светлому улыбнулась.

— Потому что здесь у вас очень хорошо, ребят, — ответила она, присаживаясь за учительский стол. — И потому что здесь очень нужны учителя, так?

Дети кивнули болванчиками. Такой ответ их очень устроил.

После классного часа зашли родители, очень шумные, с вопросами, благодарностями и поздравлениями. Дина с удовольствием и улыбкой знакомилась, пожимала им руки и отвечала на миллион вопросов. Был создан общий чат в мессенджере — «5 класс, Заречье», а после неугомонные мамы наперебой в нём писали: «Спасибо вам!», «Очень рады!», «Наконец-то у наших детей настоящий учитель!»

Когда все ушли, Дина осталась в классе одна, снова села за стол и посмотрела на букеты, стоящие в вёдрах с водой, которые она набрала заранее. Тяжёлые, красивые и дурманяще пахучие. Всё прошло круто и ладно, можно выдохнуть, но завтра будет первый учебный день. Рано расслабляться. До-

став свой блокнот, Дина проверила план уроков по её предметам, всё было готово. Вскоре состоялся небольшой педсовет и скромное чаепитие, где Василий Петрович сердечно знакомил её с остальными коллегами.

Домой Дина пошла уже ближе к вечеру. Солнце медленно клонилось к закату, а небо розовело на юге. Воздух с каждой минутой становился прохладнее, дул лёгкий ветерок с речки. Чуть уставшая, Дина шла по улице, вдыхая запахи сентября, и ей всё очень нравилось, она в который раз поняла, что спонтанное решение оказалось единственно верным.

Стоило ей зайти во двор, как она услышала громкий звук и шум на огороде. Бросив сумку на крыльцо, Дина поспешила задом и встала, как вкопанная. Трактор с прицепом и небольшой экскаватор стояли прямо на её огороде, продолжая гудеть двигателями. Гусеницы врезались в землю, оставляя глубокие борозды, а заросли травы, которые Дина собиралась позже скосить, были примяты. Но убило то, что молодая яблонька, которую Дина хотела пересадить, была сломана. А через её участок прямо к соседскому дому велись строительные работы.

Дина двинулась вперёд, наплевав на комья земли, прилипающие к её балеткам и к тому, что потом она с большим трудом их отмоет. Бешенство взыграло внутри, а кровь прилила к лицу. Она подлетела к рабочим в спецовках, которые что-то делали у прицепа.

— Что здесь происходит?

Мужчины синхронно обернулись. Один, что помоложе и с бородой пожал плечами:

— Хозяин приказал.

— Какой ещё хозяин?!

— Девушка, вы чего орёте? Вон дом, а у него есть хозяин, — он махнул рукой в сторону двухэтажного дома за коваными воротами, поясняя Дине так, будто она дитя малое. — Работу дал: разровнять дорогу и перевезти стройматериалы.

— Через мой участок?! — Дина не верила своим ушам. — Вы не можете просто так... Не имеете права!

— Женщина, — второй рабочий, который был постарше, вытер руки о тряпку. — Мы люди наёмные, нам сказали и мы делаем. Чего на нас орать? Идите и орите на него.

— А где он? Ваш этот хозяин?

— А мы почём знаем? — Бородатый усмехнулся. — Он редко приезжает. Вот и сейчас, дал задание, а сам в город уехал. Мы работу делаем, а он потом проверяет.

Дина сжала до боли в костяшках кулаки. Мужики были правы, с ними решать такие дела бесполезно. Но, чёрт возьми, как же обидно, что именно сейчас она ничего не может сделать. Ярость внутри бушевала океаном. Она смотрела на сломанную яблоньку, на испорченный огород, на грязную дорогу, проложенную через её землю, и чувствовала, как к горлу подкатывает убийственное чувство. Попадись ей сейчас «этот хозяин», растерзала бы его голыми руками.

— Ясно. Прекращайте, а я с этим разберусь, — сказала

она громко, чуть не топая ногами. — Обязательно разберусь и с вашим хозяином.

— Да ради бога, — бородатый хмыкнул и отвернулся. — Только нам голову не морочьте. Мы и так всё тут закончили, да Михалыч?

— Ага. Дамочка, выпейте винца, успокойтесь.

Дина несколько раз глубоко вздохнула, чтобы не наговорить гадостей, развернулась и пошла к дому. Ноги и руки безумно дрожали. Злость, негодование и всё ещё неутихающая ярость продолжали бушевать внутри. Подхватив сумку, Дина вошла в дом и сильно хлопнула дверью поморщившись. Не хотела, но так получилось. Бросив сумку на пол, она села на стул и попыталась успокоиться, но какой там!

Схватив телефон, Дина набрала Свету, слушая длинные гудки. Сидеть дальше не смогла, резко встала и стала накручивать круги по комнате.

— Дин? — Голос подруги был удивлённым, ведь они вроде как вчера созванивались. — Что случилось? Как первое сентября в новой школе? Ещё не передумала вернуться?

— Не передумала. Всё прошло великолепно, на пятёрку с плюсом! — Дина выдохнула и пошла на пятый круг. — Дети и родители чудесные, коллектив замечательный. Это если вкратце. Но я по-другому звоню.

— Так…

— В общем… Не успела зайти во двор, а здесь... — она замолчала, подбирая слова. — Тут трактор на огороде! Че-

рез участок тёть Тамары дорогу прокладывают к соседскому дому. Я в шоке! Весь огород разворотили, грязи по колено, и плевать им, что чужая собственность.

— Кому плевать?

— Рабочим. Видите ли, они выполняют свою работу, которую им дал хозяин! И плевать этому соседу, что земля чужая, а он нарушает закон. Ох, как я зла, Свет!

Света молчала, внимательно слушая и переваривая. Вот это насыщенная жизнь у Дины в селе, а ведь Светка думала, что подруга быстро заскучает и вернётся.

— Стоп! С хера это сосед такой беспредел устроил? Ты видела его?

— В том то и дело, что нет! Только пару раз машину у ворот того самого соседского дома с кованым забором. Попадись мне он сейчас!

— Сосед? А соседка? Вот с кем надо обязательно поговорить.

— Понятия не имею по соседку. Никого ни разу не видела. Только машину и всё.

— А баба Зина? Она что говорит?

— Не спрашивала ещё у неё, но обязательно пойду завтра. Как я зла, Свет... Ты не представляешь, что они там натворили! Понятия теперь не имею, как всё исправлять, жалко молодую яблоньку.

— Ну вот пусть соседи и исправляют, — в голосе подруги прорезалась сталь. — В край оборзели.

— Согласна, вот только если заставить. Но как? — Дина горько усмехнулась. — Я тут никто и чужая. Дом по факту не мой. Могу только на словах предъявить и объяснить, что делать так нельзя.

— Ну вот с этого и начни. Ты сначала с ним или с ней поговори. А потом приеду я с мужем и, как законная наследница, буду качать права.

— Постараюсь. Но, блин, Свет! Меня трусит до сих пор.

Света тяжело вздохнула в трубку.

— Так, всё, дорогая, дыши и успокаивайся. Сегодня уже ничего не сделаешь, а нервные клетки не восстанавливаются. Сделай чай с мятой, посмотри телевизор и больше ни о чём и ни о ком не думай.

— Постараюсь. Буду звонить, как всё узнаю.

— Давай, жду. Обнимаю и скучаю.

Света отключилась первая, а Дина продолжала стоять посередине комнаты. Всё же ей стало легче. Переодевшись, Дина подошла к окну, за которым окончательно стемнело. Опершись на узкий подоконник, Дина увидела свет в окнах второго этажа соседского дома, а значит там кто-то был. Накинув на себя тёплую жилетку, она вышла из дома, собираясь прямо сейчас поговорить с соседями о их самоуправстве. Но стоило ей выйти со двора, как увидела отъезжающий внедорожник и потухшие окна соседского дома.

— Ну, соседи, — всё же Дина топнула ногой, наблюдая, как удаляются красные фары машины. — Держитесь.

Глава 8

Сентябрь в Заречье горел яркими красками той особенной осенней красотой сельской местности. С каждым днём небо становилось ниже, а воздух — прозрачнее, по утрам в низинах стелился густой, как молоко туман. Листья на берёзах и тополях постепенно желтели, умопомрачительно пахло влажной землёй и скошенной травой. Осень здесь была настоящей, как на картинах известных художников.

Вместе с сентябрём пришли прохладные ночи, Дине пришлось научиться топить печку. Сначала это показалось очень сложным. То дрова не хотели разгораться, потом дым шёл не в ту сторону, так ещё несколько раз обожгла пальцы. Психуя, Дина воспользовалась всезнающим интернетом, и вскоре всё стало получаться: она нашла в сарае старые и сухие поленья, сложенные отдельно от свеженаколотых ещё внуком бабой Зиной. Она полюбила этот вечерний ритуал: растопить печь, сесть рядом на табурет, протянуть руки к огню и смотреть, как пламя пляшет за чугунной дверцей. В эти минуты она чувствовала себя уютно и спокойно.

— Динушка, ты поела? — Баба Зина приходила каждый вечер, вот и сейчас спросила с порога. — Что у тебя на ужин? Опять чай с бутербродами?

— Ну… почти, — улыбнулась Дина. — Я умею готовить, особенно когда есть для кого. А сейчас мне много не надо

и не хочется.

— Не хочется ей! Захочется. Вставай и пошли ко мне. У меня наваристый борщ, котлетки. Картошечка молодая.

Иногда Дина шла с удовольствием. А бывало, что отказывалась, когда проверяла тетради или готовилась к урокам. Тогда баба Зина всё брала в свои руки и приходила сама с кастрюлькой с супа, завёрнутой в полотенце, и обязательными пирогами. Старушка садилась напротив и смотрела, как Дина ест, получая от этого своё маленькое удовольствие.

— Совсем худая стала, — выдала баба Зина. — Одни глаза остались.

— Я всегда такая была.

— Ничего не знаю. Ешь нормально, а то ни один мужик на такую худобу не глянет.

— А мне и не надо. И так хорошо.

— Надо, не надо… Молодая совсем, ещё жизнь впереди! Ничего не знаю, чтобы ела нормально.

Обычно после таких слов Дина только улыбалась, не споря. А смысл? У бабы Зины всегда найдётся что сказать и что ответить, она по возрасту всегда права.

С подругой она созванивалась два раза в неделю, но бывало и чаще, как, например недавно по вине самовольства соседей. Вот и сейчас разговор шёл обо всём и ни о чём. Соседские непонятные движения временно прекратились, самих их видно не было, а узнать ценную информацию у бабы Зины Дина не смогла.

— Дин, я видела Алёшеньку... — вдруг выдала Света.

Дина замерла, обхватив чайную чашку двумя руками. За окном уже было темно, а у неё в доме тепло и чуточку пахло дымом. Сглотнув, Дина решила не сворачивать разговор. Да, боль немного притупилась и стало легче дышать, но знать она хотела про ещё мужа.

— И? Где?

— В центре города. Шёл со своей по улице, будто на выгулку вывел, фу… Увидел меня и сразу отвернулся, типа не знаю и знать не хочу. А эта мамзель…

— Про неё не надо, ладно?

— Да, ты права. Весь такой довольный котяра, бесит. Не звонил, кстати?

— Нет и слава богу... — Дина сделала глоток. Чай хоть и был крепким с любимым чабрецом, вкуса она не почувствовала. — Человек полностью ушёл в новую жизнь.

— М-да, по-другому не скажешь. — Света хмыкнула. — Ну пусть наслаждается. Не станем мешать, слать проклятья и всего самого худшего, ведь у тебя, дорогая, всё будет в миллион раз лучше. Обещаю!

— Твои слова, да Богу в уши.

— Уже отправила сообщение в Небесную канцелярию. — Света помолчала. — Кстати, что там с разводом?

— С этим хоть всё хорошо. — Дина поставила чашку. — На следующей неделе суд, но мне не обязательно ехать, ведь детей у нас нет, а имущество поделим через юриста. Он уже

всё подписал.

— Ну и отлично. Хоть видеться с Алёшенькой не придётся.

— И не говори… — Дина облегчённо выдохнула. — Не видеть, не слышать и не вспоминать.

— Дин... — Света запнулась. — Ты точно нормально?

— Я в порядке, — уверенно ответила и кивнула сама себе. — Правда. У меня сейчас есть всё, чтобы не скучать и не вспоминать прошлую жизнь.

И тут Светка вспомнила про соседский инцидент.

— А соседи? — Света усмехнулась. — Поймала этих неуловимых?

— Нет! — Дина вспыхнула и даже встала на ноги. — Представляешь, я каждый день выглядываю и высматриваю. Машина часто стоит у забора по вечерам, свет горит в доме, а их не видать. Как семейство призраков.

— Может, они специально избегают?

— Это как? Да и смысл? — Дина прошлась по кухне, ставя чашку с недопитым чаем в раковину. — Они же должны понимать, что творят. Дорогу через чужой огород проложить – уму непостижимо! Трусы какие-то...

— Согласна. А может, они в городе живут и приезжают редко.

— Тогда зачем дорогу делать и зачем забор разбирать? Знать бы, что они задумали.

— Не знаю, Дин. А ты у бабы Зины спрашивала?

Дина вздохнула и вернулась к окну, прижимая лоб к прохладному стеклу.

— Спрашивала. Она говорит, что не знает, только что дом этот продали года два назад. Купил кто-то городской и приезжает наездами. Ни с кем не общается. Тоже видела только рабочих.

— Прям детективом попахивает.

— Тоже так подумала. — Дина улыбнулась, мысли с подругой опять совпадали. — Но я рано или поздно всё узнаю и поговорю с ними, а ты предъявишь.

— Обязательно! Устроим сладкую жизнь.

Света засмеялась, вызывая ответный смех.

— Всё, воинственная Светлана, давай прощаться.

— Ага, спокойной ночи. И на связи.

Дина отложила телефон и ещё долго сидела у печки, слушая огонь. Огород так и стоял повреждённый, она не стала ничего исправлять. Вот пусть соседские хозяева увидят. Жаль маленькую яблоньку, она засохла хоть Дина пыталась её спасти, но корни были слишком сильно повреждены. Тяжело вздохнув, Дина ещё раз проверила печку, чуть прикрыла заслонку и пошла спать. Странно, но именно здесь, в сельской местности, у неё нормализовался сон и выработался режим.

Глава 9

Октябрь начался с настоящих, осенних и затяжных дождей. Так ещё с ветром, который выл в проводах и срывал последние листья с берёз. Небо неделю стояло серое, низкое, а земля так размокла, что дороги превратились в глиняное месиво. И вот такая погода совсем не радовала.

Дина возвращалась из школы пешком, ведь школьный автобус, на котором она в последнее время частенько доезжала до дома, сломался ещё утром. Василию Петровичу пришлось отпустить детей по домам раньше, а Дина отказалась от его предложения подвезти. Хоть погода была не лётная от слова совсем, но ей безумно хотелось пройтись и подумать.

Кутаясь в плащ с капюшоном, который ветер то и дело срывал с головы, она упрямо шла домой. Тяжёлая сумка с тетрадями оттягивала плечо, а зонт приходилось держать обеими руками, только вот толку от него было мало, дождь всё равно заливал лицо и руки. К тому моменту, как она дошла до своего переулка, промокла почти насквозь.

Впереди ждали насыщенные выходные. Два дня, которые она планировала посвятить проверке тетрадей и подготовке к новой учебной неделе. И как было жаль, что поездка в город с детьми на детский приключенческий фильм сорвалась, ремонт школьного автобуса займёт около недели. Василий Петрович хоть и пообещал перенести поездку на следующие

выходные, дети всё равно расстроились, как и она сама. Дина правда ждала этого дня, ведь хотела увидеть глаза своих деток, когда на экране вспыхнет что-то большое, яркое и волшебное.

До дома оставалось несколько дворов. Она уже видела свою калитку с облупившейся краской, как услышала за спиной шум мотора. Дина успела только обернуться и увидеть, как чёрный внедорожник выехал из-за поворота, быстро приближаясь. Отступив к обочине, она прижалась к забору, пропуская машину, которая не собиралась сбавлять скорость.

И всё произошло как в ванильных сериалах на втором канале: колесо машины попало в глубокую, разлившуюся лужу на полдороги. Ледяная, грязная вода взметнулась фонтаном, ударила в бок и накрыла Дину с головой. Зонт тут же вылетел из рук, а сумка с тетрадями съехала с плеча и упала в грязь. Она задохнулась и пошатнулась, не зная, что делать в эту секунду – материться в голос или про себя.

Чёртова машина, а вернее, внедорожник проехал ещё немного и остановился у соседского дома, того самого, где за кованными воротами прятались неуловимые соседи. Дверь открылась, и из машины вышел мужчина оглядываясь. Ему либо было плевать на дождь, либо он привык, стоял и просто смотрел на Дину.

Пыхтя яростью, Дина его взглядом, стоя по пояс в грязной воде. Волосы безобразно прилипли ко лбу, а с плаща текло

ручьями. Подхватив сумку, в которой тетради наверняка уже размокли, она быстро пошла к этому уроду, чтобы высказать всё, что кипело внутри, и обязательно не забыть про огород.

Крупный, высокий и темноволосый мужчина в кожаной куртке, тёмных джинсах и тяжёлых ботинках сложил руки на груди и склонил голову чуть вбок. На первый взгляд ему было около сорока, да хоть пятьдесят! Сейчас ему ничего не поможет! Как же она злилась. Дина подошла вплотную и ткнула в него пальцем.

— Вообще больной?!

Он поднял одну бровь. Дождь ему совершенно не мешал, капая на тёмные волосы, симпатичное лицо, стекая каплями до подбородка.

— Что?

— Глаза давно протирал? — Она показала рукой в сторону лужи. — Ты облил меня! А ещё чуть не сбил! Ты вообще смотришь, куда едешь?

Его бровь так и не опустилась, когда он посмотрел на лужу, потом на орущую перед ним бабу. Такого мокрого недоразумения он давно не видел.

— Теперь заметил, — сказал он ровно. — И что дальше?

Дина задохнулась. Она ждала как минимум извинений, а не издевательства.

— Что дальше?! Ты нормальный вообще? По твоей вине я мокрая с головы до ног! У меня тетради в сумке, которые тоже мокрые...

Он медленно оглядел её, сверху вниз от мокрых волос до грязных ботинок. И демонстративно фыркнул, будто она была чем-то мелким и незначительным, что мешается под ногами.

— Дамочка, у меня нет времени с тобой разбираться, — обрубил он её, глянув на часы. — Попей горячего и успокойся.

Он резко развернулся и спокойно пошёл к воротам, словно ничего такого значащего для его внимания не произошло.

Дина смотрела ему в спину, а её саму била ярость, обида и беспомощность, дикий коктейль из негативных эмоций, которые она в последний раз испытывала, когда муж пришёл со своей любовницей.

— Стой! — крикнула она. — Ты даже не извинился, урод!

Он не обернулся, лишь покачал головой, открыл калитку и молча зашёл на свою территорию. Дина подбежала и со всей силы ударила ладонью по воротам. Металл отозвался гулким звоном, а резкая боль пронзила руку.

— Ай, блин! — зашипев от боли, она прижала ладонь к груди.

Мокрая, злая и униженная, Дина стояла у ворот и смотрела на этот проклятый дом. Теперь она хотя бы знала злодея-соседа в лицо и точно добьётся от него справедливости за свой мокрый вид и наглого нарушения границ частной собственности.

Всё ещё дико злясь, Дина подхватила сумку, топнула но-

гой, развернулась и пошла к себе. Ноги вязли в грязи, а плащ отяжелел от воды. Сумка с тетрадями стала ещё тяжелее.

Дома она первым делом сняла с себя всё мокрое. Бросила одежду в таз, налила горячей воды и добавила порошка. Тетради выложила на стол, они слегка промокли по краям, но, к счастью, не насквозь. Быстро растопив печку, Дина налила горячий чай. Не хватало ещё заболеть.

Руки слегка дрожали, пришлось чашку обхватить двумя руками. Она смотрела, как разгорается огонь, и чувствовала, как злость медленно отступает, оставляя после себя пустоту и усталость. Чуть оклемавшись, Дина отставила чашку и взяла телефон, теперь можно поделиться последними событиями и эмоциями с подругой.

— Привет, Свет.

— Динусик, привет — Голос Светы был на удивление бодрым. — Как делишки?

— Всё по-прежнему, кроме того, что я наконец-то встретила соседа.

— Кого?

— Соседа.

— А! А то мне показалось… Рассказывай! — подруга чем-то зашуршала в трубку.

— Ты что там делаешь?

— Устраиваюсь поудобнее, жопкой чувствую, что будет интересно.

— Интересно не то слово! Он меня облил.

— Что?! В смысле… Как?

— Из самой грязной лужи своей машиной! Я шла домой со школы, почти дошла до дома, а он проехал и окатил меня с головы до ног. Я подошла, чтобы ему всё высказать, а он... — Дина запнулась. — Он посмотрел на меня, как на пустое место, выдал, что торопится, и ушёл.

— Вот козёл! — Света аж задохнулась от возмущения. — Настоящий мудачело!

— Полностью с тобой согласна.

— Ты его хоть разглядела?

Дина помолчала немного, вспоминая соседа, особенно его глаза — серые и холодные.

— Высокий, коротко стриженный, — сказала она наконец. — Крупный такой. На вид лет сорок. Одет вроде просто, но дорого: кожаная куртка, часы золотые. И взгляд... — вздохнула тяжело вздохнула, снова поднималась волна ярости. — Взгляд такой, будто он всё время чем-то недоволен. Или кем-то. На меня смотрел, как на надоедливую букашку.

— Терпеть таких не могу, — протянула Света. — Есть такая порода людей, чуть чего добились в жизни, так значит имеют право на других плевать. Он хоть извинился?

— Свет, ты меня вообще слушаешь? Я же сказала, что просто взял и ушёл.

— Точно. А имя этого козла ты спросила?

— Какое имя, Свет? Он даже говорить не хотел…

— М-да. Ещё один пожизненный мудачело, — Света

хмыкнула. — Зато теперь ты знаешь, как он выглядит. Будешь знать, кого ненавидеть.

Дина усмехнулась. Ещё ей не хватало ненавидеть гадостливого соседа.

— Смешно, и толку мало. Ты ещё предложи сделать его куклу Вуду и кинуть в печку… — не выдержав, она громко рассмеялась.

— А, что?! Мне нравится, — со смешком поддержала Света. — А если серьёзно. Вдруг понадобится тяжёлая артиллерия – сразу звони, и я приеду.

— Попробую сначала сама, страшно за мужчину, — Дина хмыкнула, широко улыбаясь, представляя, как Света устраивает большому соседу тёмную.

— Тем хуже для него. Будет знать, как себя вести, а заодно научим его извиняться.

— Договорились и на этом пока закроем тему. — Дина подбросила полено в печь. — Что у тебя нового?

Охотно согласившись, Света начала бодро рассказывать последние новости о работе, о общих знакомых и своей семье. Вскоре телефон стал пиликать и настойчиво напоминать, что вот-вот батарея сядет. Пришлось прерывать подругу и прощаться со Светой. Поставив мобильный на зарядку, Дина проверила тетради на столе. Многие уже хорошо просохли, но вот садиться за них желания совсем не было. Включив телевизор, она подошла к окну и посмотрела на соседские окна, в которых горел свет. Значит, хамоватый сосед

дома.

— Значит, так, — сказала она вслух, будто говорила ему, — оставлять и спускать с рук не станем. Завтра «мистер нет времени с тобой разбираться» мы обязательно поговорим.

После разговора с подругой, Дина чувствовала поддержку и новый прилив сил.

RANGE R

Глава 10

Удивительно, как быстро меняется погода. Ещё вчера небо было серым, низким и дождливым, ветер завывал в трубах и срывал ветки с деревьев. А сегодня невероятно яркое, тёплое, почти летнее солнышко. Оно заливало двор золотистым светом, играло в лужах и отражалось на мокрых крышах. Воздух был до одури прозрачный, с пьянящим ароматом прелой листвы и дыма.

Дина проснулась довольно поздно, ей всю ночь снился хамоватый сосед. Не весь, конечно, а только его лицо. Такое резкое и жёсткое, с холодными серыми глазами. Он смотрел на неё с презрением, чуть кривя губы, а потом смеялся, уходя к себе домой, оставляя её в грязи, мокрую и злую. Дина не могла двинуться с места, хоть и пыталась изо всех сил, крича ему вслед гадости.

Выплыв из кошмарного и до чёртиков неприятного сна, Дина еле встала. Всё тело невероятно ломило, нос заложило, а горло словно колючей проволокой обмотали. Прекрасно. Здравствуй, простуда! Заварив чай с травами, она кое-как привела себя в порядок, захватив волосы в высокий хвост. Голова стала понемногу гудеть, но это мелочи, ведь у неё есть одно важное дело.

Добавив в чай мёда, она переоделась в тёплый костюм, накинула жилетку и вышла во двор. Чай на свежем воздухе и

вроде как стало чуть легче. Вчерашний ветер натворил дел. Разбросанные ветки по всему двору, листья, сорванная с верёвки половая тряпка, которую она вчера забыла снять. Дина вздохнула, взяла грабли и принялась убирать. Работа согревала и чуточку отвлекала. Она сгребала листья в кучи, собирала ветки, подвязывала кусты. Когда двор был убран, Дина прошла на огород, где всё так же была дорога, проложенная через её землю, погибшая яблонька и следы гусениц. Всё тот же ущерб, который надо устранять, исправлять и возмещать.

Сжав кулаки, Дина почти развернулась, как взгляд зацепился за доски на земле, и её тут же осенило. Она может пройти к соседям прямо сейчас. Просто переступить эту невидимую границу между участками — и оказаться на их территории. А дальше полная импровизация, в которой она потребует извинения за её вчерашний облив из лужи и устранения безобразия на её огороде. Запахнув жилетку на груди, заправила выбившийся из хвоста локон за ухо и осторожно, чтобы не завязнуть по колено в чернозёме, прошла на территорию соседей. Дальше стало легче, ведь не у соседей весь участок перерыт! Здесь и дорожка к дому ведёт, и клумбы с небольшим газоном. Ступая по дорожке, Дина обошла большой дом.

Остановившись у двери, Дина несколько раз глубоко вдохнула свежий воздух и постучала. Простояв с минут пять, она постучала ещё раз, более громче, чтобы и глухой услышал. За дверью что-то грохнулось и стукнулось, потом по-

слышались тяжёлые шаги и пара нецензурных фраз. Сжав кулаки, Дина приготовилась к бою, и, когда дверь открылась, оказалось, что не зря готовилась.

Сосед резко открыл дверь, обрушивая на неё серый, вопросительный взгляд. Он стоял на пороге, придерживая одной рукой дверь, весь такой растрёпанный, заспанный, босой, в одних спортивных штанах и голый по пояс. Отступив на полшага, Дина невольно стала его разглядывать: тёмные волосы торчали в разные стороны, а на щеке отпечаталась складка от подушки. Его грудь — широкая, поросшая тёмными волосами, — была прямо перед глазами Дины. Сглотнув, Дина отвела взгляд, но тут же заставила себя посмотреть обратно, но ему в глаза.

— Опять ты, — зевнул он, прикрыв рот ладонью

— Не ты, а вы, — отрезала Дина.

— Как скажешь. — Полуголый сосед прислонился к дверному косяку. — Что ВАМ надо?

— О! Много чего. Например, хотелось бы услышать извинения.

Он вздёрнул брови и лениво улыбнулся одним краем губ.

— Могу только уматерить. Дамочка, ты чего такая визгливая с утра?

— Уже обед прошёл, мужлан, — как же он её сейчас бесил.

— Прикольно поспал. — Он демонстративно потянулся, хрустнув плечами, а Дина зависла, таким он большим был в

этот момент. — Ладно, дамочка, извините. Что-то ещё?

Дина стиснула зубы, мысленно себе приказывая быть спокойной и не поддаваться на всякие провокации. Она подняла руку и показала в сторону своего дома:

— Да. Вы разрушили мой огород. Уничтожили плодовое дерево. Проложили дорогу через мою землю. Без разрешения, заметьте!

Сосед посмотрел в указанном направлении, а потом обратно на неё. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Лично я ничего не разрушал.

— Что?

— Я не разрушал. Не прокладывал. Не уничтожал. Меня нормально слышно? — он поклацал пальцами перед её лицом. — Всё делали рабочие, а я только сказал где.

— Но вы их наняли, значит, вы за них отвечаете!

— Логично. — Он кивнул, как будто соглашаясь. — Только вот незадача. Я не знал, что у этого участка есть хозяйка.

Дина задохнулась. Наглый хам и пофигист! Сделав шаг к нему, Дина зашипела:

— То есть как это не знали?

— А откуда? — Он пожал плечами. — Дом давно стоял пустой, в нём никто не жил. Участок заброшенный, вот я и подумал, что брошенный, как часто бывает.

— Ничей?! — Дина почти встала вплотную. — Это моя земля! Вернее, я здесь живу!

— Теперь я вижу и даже очень хорошо тебя слышу. — Он

посмотрел на неё сверху вниз и слегка поморщился, словно её голос резал его слух и причинял боль. — А когда я рабочих нанимал, тебя здесь не было. Ты тут появилась... когда? В августе?

— В конце августа.

— Ну вот. А дорогу начали делать ещё в июле.

Дина замолчала, считая до десяти, иначе сделает только хуже, а ведь может. Пыхтя внутри и возмущаясь, ведь всё равно так нельзя — взять и занять чужое не спросив!

— Вы всё равно должны были проверить, — сказала она тихо, с яростью в тоне. — Узнать, чья это земля, прежде чем что-то делать.

— Согласен. — Он снова кивнул. — Моя ошибка, признаю.

— И? — Дина смотрела на него. — И что дальше?

— А что дальше? — Он почесал затылок. — Что ты хочешь?

— Компенсацию. Из-за вас погибло дерево, а огород нужно перекапывать, я это делать не смогу и не буду.

— Из-за меня? – он только это услышал. Дина закатила глаза.

— Именно! Нечего творить самоуправство. А ещё я ни капельки не поверила в ваши извинения, за то, что вы меня облили из лужи.

— Ну, это случайность. — Он усмехнулся. — С кем не бывает.

— Случайность? — Дина сжала кулаки. — Вы даже не остановились!

— Торопился. — Он посмотрел на часы на руке издеваясь. — И сейчас, кстати, тоже тороплюсь.

— Вы издеваетесь?

— Нет. — Он посмотрел на неё прямо. — Я объясняю. У меня дела, а у тебя — претензии. Мы можем поговорить об этом позже, когда я буду в состоянии и будет время. А сейчас, дамочка, извини, я спать хочу.

— Спать? — Дина не верила своим ушам. — Сейчас день! Вы спали до обеда…

— А что, есть закон, запрещающий спать днём? — Он поднял бровь. — Я много работаю, сегодня единственный нормальный выходной, который я хочу провести в постели и в глубоком сне.

— Бедная ваша жена…

— С чего это она бедная? — Он зевнул снова. — У меня её нет, поэтому не бедная. Всё, мадам, разговор окончен. Приходи вечерком... Часов так в семь, вот тогда нормально обо всём поговорим. А сейчас — дай нормально поспать.

Он начал закрывать дверь, но Дина шагнула вперёд, упираясь рукой в косяк.

— Нет, подождите. Мы не закончили.

— Закончили. — Он смотрел на неё без злости, но с раздражением. — Вечером. — И добавил, чуть мягче: — Иди, дамочка, а то простудишься ненароком, вон, уже нос крас-

ный, а я буду и в этом виноват.

— Не указывайте мне!

— Я не указываю. Я предупреждаю. — Он вздохнул. — Всё. Пока,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.